

Шанхайская организация сотрудничества и азиатская безопасность

Мария ДАНИЛОВИЧ

Научный руководитель – ТУРАРБЕКОВА Роза Маратовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений БГУ

В научной литературе проблеме формирования системы центральноазиатской безопасности и деятельности ШОС уделяется значительное внимание. Однако материалов, посвященных месту и роли КНР в данных процессах, гораздо меньше, хотя эта тема представляет значительный интерес для исследования. Наблюдение за деятельностью КНР в ШОС позволяет четче осознавать стратегию и тактику китайского государства в регионе и на международной арене в целом, что особенно актуально для Беларуси, которая в 2010 году официально получила статус партнера ШОС по диалогу. Необходимость изучения специфики внешнеполитической стратегии КНР диктуется и положительной динамикой белорусско-китайских отношений. Кроме этого, перспективы формирования Единого экономического пространства Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Казахстан (две последние являются полноправными членами ШОС) также поднимают вопрос должного обеспечения безопасности в

Обеспечение безопасности в Центральной Азии является важной проблемой региональных межгосударственных отношений первого десятилетия XXI века. В 2001 году на базе форума «Шанхайской пятерки» по инициативе Китая была создана новая международная структура – Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). В Хартии ШОС поддержание и укрепление региональной безопасности заявлено в качестве приоритетного направления сотрудничества членов. Тем не менее развитие Организации вызывает определенные вопросы относительно эффективности взаимодействия участников «шанхайского процесса» в данной области.

Центральной Азии на уровень приоритетных интересов нашей страны.

Чтобы проанализировать участие КНР в сфере региональной безопасности в Центральной Азии (ЦА) с момента создания ШОС, прежде всего следует рассмотреть вопросы участия Китая в формировании Региональной антитеррористической структуры (РАТС) с учетом изменений геополитической обстановки в регионе в начале XXI века, динамики развития и эффективности деятельности РАТС.

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Первоначальной задачей «Шанхайского форума» было решение приграничных вопросов, доставшихся сторонам от бывшего противостояния КНР и СССР. Постепенное решение проблемы (подписание соглашений об укреплении доверия в военной области и взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы в 1996 году, о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы в 1997 году) позволило «Шанхайской пятерке» обратиться к вопросам безопасности, требовавшим совместных усилий всех участников форума. На саммитах «пятерки», начиная с 1998 года, повесткой дня стала объединенная борьба с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и национальным сепаратизмом.

Какие же цели преследовал Китай, участвуя в «форуме»? Можно отметить вполне закономерное расхождение мнений китайских исследователей и исследователей других стран по данному вопросу. В работах В. Борового, К. Сыроежкина,

ОБ АВТОРЕ

ДАНИЛОВИЧ Мария Владимировна.

Родилась в г. Докшицы Витебской области. В 2010 году окончила Белорусский государственный университет, в 2011 году – магистратуру БГУ по специальности «История международных отношений и внешней политики». Публиковалась в ряде научных и общественно-политических изданий. Сфера научных интересов: проблемы развития международных отношений в Центрально-Азиатском регионе.

Д. Тренина прослеживается идея о том, что «шанхайский процесс» изначально являлся ничем иным, как элементом реализации стратегических интересов КНР в ЦА [1; 2; 3]. Данные интересы включали формирование такого сообщества государств, в котором Китай: а) в долгосрочной перспективе занял бы позицию лидера, б) в краткосрочной смог бы поддерживать партнерские отношения с РФ. При этом КНР балансировала между сохранением военного присутствия России в регионе как возможностью заполнения образовавшегося с начала 1990-х годов «вакуума силы» и расширением торгово-экономического сотрудничества с центральноазиатскими странами, в том числе и для предупреждения чрезмерного усиления в них российских позиций.

В свою очередь, китайские международники Чжао Хуашэн, Пань Гуан, Гао Фэй, Цзян И ссылаются на категорическую неприемлемость лидерства как «общего принципа внешнеполитического курса КНР на современном этапе» [4]. К основным стратегическим интересам КНР в регионе они относят: гарантии безопасности, сдерживание сепаратистских сил «Восточного Туркестана», а также расширение регионального экономического сотрудничества. Последнее необходимо КНР для обеспечения энергетического снабжения своей экономики и реализации внутренней Программы ускоренного развития северо-западных районов. Кроме того, исследователи из КНР подчеркивают весомый вклад своей страны в процесс становления ШОС как международной организации нового типа, «исходящей из новой концепции безопасности», подразумевающей 4 принципа межгосударственного сотрудничества: взаимодоверие, взаимную выгоду, равноправие и координацию действий государств, «принцип многостороннего сотрудничества в области безопасности» [5]. Приведенные выше мнения отнюдь не противопоставлены друг другу. Китайские исследователи тактично ссылаются на условия достижения заявленных руководством КНР целей развития государства в ближайшей перспективе, в то время как их зарубежные коллеги акцентируют внимание на инструментах достижения этих целей. Внутригосударственное развитие, решение тай-

В апреле 2010 года Беларусь стала первой страной, получившей статус партнера по диалогу Шанхайской организации сотрудничества

ваньского вопроса и реализация интересов в Юго-Восточной Азии для КНР являются первоочередными задачами. Необходимая же для их поступательного осуществления безопасность в ЦА (а значит, и возможность сдерживания сепаратистских тенденций северо-востока страны) представлялась достижимой с помощью «предсказуемого» присутствия России (а не США) в регионе. При этом усиление торгово-экономических связей с центральноазиатскими партнерами по «шанхайскому процессу» вписывалось в задачи развития «китайского запада» и одновременно позволяло в перспективе обрести влияние на страны региона.

Окончательный отход от работы «форума» как совещательной структуры был ознаменован поворотом Узбекистана в сторону «Шанхайской пятёрки» к 2001 году. Усиление угрозы политического экстремизма и терроризма в 1999–2000 годах, вызванное деятельностью «Исламского движения Узбекистана» (ИДУ), поставило узбекское руководство перед вопросом более активного участия в сфере региональной безопасности и необходимостью совместной борьбы с радикальными исламистами (вначале в сотрудничестве со странами «пятерки», а после 11 сентября 2001 года с США). Данная проблема стала насущной не только для Ташкента. К началу XXI века все участники «шанхайского процесса» столкнулись с явной угрозой государственной безопасности в лице радикально настроенных приверженцев ислама [6]. В этот период в КНР был отмечен новый подъем сепаратистских устремлений уйгуров Синцзян-Уйгурского автономного района (СУАР). Пекин, как замечает шведский исследователь Н. Свонстром, неоднократно подчеркивал связь между афганским «Талибаном» и «уйгурскими террористами», утверждая, что последние используют Афганистан и северный Таджикистан в качестве своей координационной базы [7]. Массовые волнения в Кульдже, взрывы в Урумчи и Пекине в 1997 году, теракты 1999 года заставили руководство КНР пойти на дальнейшее усиление сотрудничества с РФ и странами ЦА в области безопасности. В Декларации о создании ШОС было заявлено о придании приоритетного значения региональной безопасности и о намерении

учредить региональную антитеррористическую структуру ШОС с месторасположением в г. Бишкеке. В условиях отхода от модели биполярного мира и необходимости для КНР и РФ реагировать на стремление США к установлению однополярного миропорядка, борьба с сепаратизмом, экстремизмом и международным терроризмом стала новой предпосылкой для координации действий «Шанхайской шестерки». При этом, по наблюдению Н. Свонстрона, в выступлениях китайских лидеров понятия сепаратизм и терроризм нередко использовались как взаимозаменяемые [7]. Это, бесспорно, свидетельствует о традиционном в глазах Пекина единстве между угрозой территориальной целостности и угрозой безопасному развитию страны.

В связи с вышеизложенным, отдельного внимания заслуживает подписанная одновременно с июньской Декларацией Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001 год). Нередко в работах китайских исследователей в подтверждение значимости ШОС приводится следующий аргумент: за несколько месяцев до событий 11 сентября 2001 года в Шанхайской конвенции было дано четкое определение терроризма [4]. Тем не менее, такое определение было достаточно «широким» и объединяло понятия «терроризм» и «террористическая деятельность», к примеру, в законодательстве России или законодательстве Казахстана.

ВЫЗОВЫ 11 СЕНТЯБРЯ

После сентябрьских терактов в США и начала операции «Несокрушимая свобода» ШОС, находившаяся на этапе оформления юридической базы и специализированных структур по реализации основных задач, столкнулась с проблемой быстрого и адекватного реагирования на появление в регионе внешних сил по борьбе с международным терроризмом. Американские военные развернули активную деятельность на территории бывшей советской базы в Карши-Ханабаде (юг Узбекистана) через три недели после нью-йоркских терактов. Вскоре были открыты базы США в Какайды (Узбекистан) и Манасе (Кыргызстан). Члены ШОС в целях защиты собственных интересов пошли на сотрудничество с подобными

«силами», что отрицательно сказалось на скорости развития Организации.

В КНР опасались возможного образования новой системы безопасности, выстроенной вокруг НАТО. Однако Пекин рационально подошел к появлению американских сил в ЦА, максимально используя положительные для себя моменты. Так, в августе 2002 года во время своего визита в КНР заместитель госсекретаря США Р. Армитаж официально заявил о включении «Исламского движения Восточного Туркестана» (ИДВТ) в список международных террористических организаций [8]. В сентябре 2002 года, в соответствии с указом президента США № 13224, все счета «Движения» в американских банках были заморожены.

Римский саммит НАТО в мае 2002 года и решение альянса расширяться на Восток, выход США из Договора по ПРО в июне того же года и перспектива войны с Ираком вызвали, как отмечает Д. Тренин, дальнейшее похолодание отношений между Москвой

и Вашингтоном и стимулировали преобразование Договора о коллективной безопасности в новую международную организацию [3]. Оформление ОДКБ в 2002 году свидетельствовало об активизации Москвы по созданию вокруг себя нового полюса обеспечения безопасности [9]. От имени ОДКБ в октябре 2003 года Россия создает в Канте (в 30 км от американской базы в Манасе) военную авиабазу в соответствии с соглашением о ее бессрочном использовании.

Подобные события послужили для Пекина новым импульсом для ускорения институционализации ШОС, поскольку на фоне участия в ОДКБ центральноазиатских членов ШОС ее роль в сфере безопасности снижалась. На саммите в Санкт-Петербурге в июне 2002 года была утверждена Хартия ШОС, подписано Соглашение о РАТС. Разнообразие направлений сотрудничества, перечисленных в Хартии (от укрепления региональной безопасности до гуманитарной области и взаимодействия в сфере спорта и туризма) могло быть в равной мере

Российская авиабаза Кант в Кыргызстане

связано как с надеждами, возлагавшимися на ШОС, так и с «резервированием» пространства для сотрудничества и дальнейшего поддержания ее жизнеспособности. О роли, отводившейся российской стороне в обеспечении центральноазиатской безопасности, свидетельствовало объявление русского языка рабочим языком РАТС (в соответствии с Соглашением о РАТС, официальными языками РАТС, как и ШОС в целом, оставались русский и китайский).

Несмотря на оптимистично заявленные в уставных документах 2002 года разносторонние цели и направления сотрудничества, дальнейшая работа РАТС и оформление институтов ШОС происходили весьма медленно. Так, Исполнительный комитет РАТС в Ташкенте и Секретариат ШОС в Пекине официально начали функционировать лишь в 2004 году. Затяжной характер процесса можно объяснить как активизацией контактов центральноазиатских государств с силами альянса, так и наметившимися разногласиями между КНР и Россией. В ноябре 2002 года после смены руководящего состава КПК на XVI Всекитайском съезде Пекин взял курс на «экономическую дипломатию», устойчивое развитие и восстановление статуса «великой державы» [10]. Китай не разделял заинтересованности Москвы в активном военно-политическом сотрудничестве, чтобы избежать конфронтации с США, и стремился обезопасить себя от последствий укрепления НАТО в регионе (на стамбульском саммите Северо-Атлантического альянса в июне 2004 года было принято решение об увеличении присутствия Международных сил содействия безопасности (ISAF) в Афганистане). Руководство КНР отдавало себе отчет и в возможности подавления деятельности радикальных группировок и сдерживания угрозы наркотрафика как положительных аспектов нахождения сил коалиции в ЦА.

Тем не менее, недопущение долгосрочного присутствия внешних сил в регионе стало для лидеров ШОС принципиально важным. Как свидетельствовала принятая на саммите 2005 года в Астане Концепция сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, подобная борьба «на пространстве ШОС своими собственными силами» имела для государств ШОС «приоритетное значение» [11]. Их

РАТС – постоянно действующий орган ШОС, основными задачами и функциями которого являются разработка предложений и рекомендаций по развитию сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом для соответствующим структурам ШОС, формирование банка данных о международных террористических организациях, содействие в подготовке и проведении антитеррористических учений.

попытка восстановить свое влияние в ЦА, нарушенное после сентябрьских событий 2001 года, ознаменовалась принятием Декларации ШОС от 5 июля 2005 года (Астана). Документ, по сути, призывал к скорейшему выводу военных сил коалиции из региона. Он оправдывал закрытие американской базы в Карши-Ханабаде и предоставление руководством Узбекистана военным силам США 180-дневного срока для вывода их со своей территории. Принятию Декларации предшествовали известные события в Ферганской долине. Вспыхнувшие 13 мая 2005 года в Андижане массовые беспорядки были незамедлительно подавлены силовыми методами, объявлены взрывом террористических сил и исключительно внутригосударственной проблемой Узбекистана. Руководство страны отказалось от проведения США и западными неправительственными организациями независимого расследования и их содействия в предоставлении убежища бежавшим в Кыргызстан. По мнению белорусского эксперта Р. Турарбековой, возможность осуществления исламской революции в Фергане затрагивала интересы всего региона (включая СУАР), что и обусловило полученную Ташкентом «полную поддержку ШОС», а также западные оценки подписания Астанинской декларации как факта начала создания «НАТО для Востока» [12].

Привлечение внимания западных исследователей к ШОС как проекту «анти-НАТО», помимо подписания июльской Декларации, было вызвано принятием в ШОС в качестве наблюдателей Индии, Пакистана и Ирана, а также проведением КНР и РФ, как фактическими лидерами ШОС, первых совместных военных учений «Мирная миссия» в августе 2005 года.

ТЕНДЕНЦИИ «ПЯТИЛЕТКИ»

Аktivизация талибов в Афганистане в конце 2005 года вызвала увеличение численности военных контингентов альянса в регионе. Закрытие баз США было отложено на неопределенный срок, с чем ШОС «была вынуждена согласиться» [12].

После 2005 года взаимодействие в сфере безопасности было представлено, как свидетельствует Декларация пятилетия ШОС, попытками «углубления сотрудничества

в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков» и «укреплением РАТС» как «приоритетным направлением деятельности» Организации. В РАТС ускорили формирование единого банка данных. На заседании Исполкома РАТС в апреле 2006 года был утвержден Единый перечень террористических организаций, деятельность которых запрещена на территории ШОС. В него были включены ИДВТ, ИДУ, «Хизб ут-Тахрир иль-Ислами» (Исламская партия освобождения), «Талибан», «Аль-Каида». Одновременно был утвержден список лиц, разыскиваемых спецслужбами стран — членов ШОС.

Однако на согласованности действий партнеров продолжали отрицательно сказываться разногласия между КНР и РФ по поводу приоритетов дальнейшего развития Организации. На XVII съезде КПК, закрепившем власть в руках «четвертого поколения» китайских руководителей до 2012 года, вновь избранный председатель КНР Ху Цзиньтао сформулировал понятие «четырёх столпов» внешней политики Китая: ключевая роль держав, приоритетность соседних государств, опорная роль развивающихся стран и принцип многостороннего сотрудничества [13]. Как подчеркивает Ван Цзисы, после XVII съезда китайским руководством был окончательно сформулирован постулат об «экономическом строительстве и развитии как центре государственной политики» [14]. Обтекаемые формулировки Меморандума о взаимопонимании ШОС и ОДКБ (2007) и консенсус сторон по вопросу участия в «соответствующих мероприятиях, проводимых в рамках ШОС и ОДКБ, в качестве гостей» сигнализировали о неприятии в КНР идеи РФ о конкретных совместных военных маневрах обеих организаций [15]. ШОС была нужна Китаю как инструмент развития отношений с центральноазиатскими странами, а не как «антинаатовский» военно-политический альянс.

Расхождение позиций КНР и РФ имело место в Душанбинской декларации 2008 года в связи с признанием Россией независимости Абхазии и Южной Осетии. Согласно Декларации, «государства ШОС приветствуют одобрение 12 августа 2008 года в Москве 6 принципов урегулирования конфликта в Южной Осетии» (включая прин-

цип международного обсуждения вопросов статуса непризнанных республик). В подобной позиции ШОС отражено однозначное отрицание любых тенденций к сепаратизму (болезненный для Китая вопрос), которое было официально закреплено в КНР в Законе против сепаратизма 2005 года. Сам Китай успешно получил поддержку ШОС в июле 2009 года. После начала массовых волнений уйгуров в г. Урумчи генеральный секретарь ШОС незамедлительно заявил о признании Синьцзяна «неотъемлемой частью Китая» и что «происходящее там является исключительно внутренним делом КНР» [16]. Это подтверждает усиление позиций КНР в ШОС в условиях мирового финансового кризиса и роста ее двухстороннего экономического сотрудничества с центральноазиатскими партнерами. К 2008 году объемы торговли между КНР и странами региона, по данным Э. Медейроса, составили 30 млрд. долларов, в 4 раза превысив показатели 2004 года [17]. В условиях мирового экономического спада РФ была вынуждена приостановить многие проекты в ЦА. Обладая рядом преимуществ к началу кризиса КНР, напротив, усилила двухстороннее экономическое со-

трудничество в регионе, подписав соглашения с Казахстаном и Туркменистаном в сфере развития углеводородных ресурсов, увеличив размеры инвестиций в инфраструктуру региона и инициировав создание антикризисного стабилизационного фонда ШОС размером в 10 млрд. долларов.

Что касается РАТС, которой в официальной документации ШОС рассматриваемого периода давалась достаточно высокая оценка, то в практическом плане в ее деятельности проявился ряд противоречий. Датский специалист Ф. Хансен обращает внимание на то, что перед проведением совместных учений «Мирная миссия—2007» в Челябинской области Астана «отказала китайским военным в разрешении, сократив время и ресурсы, перемещаться по территории Казахстана» [18]. Шведский международник

Массовые волнения уйгуров в городе Урумчи. Июль 2009 года

Э. Бейлз отмечает недоверие членов ШОС к обмену стратегически важной информацией в РАТС [19]. В самой ШОС подобные проблемы объясняли малой численностью рабочего персонала РАТС (30 человек) и скромными размерами ее бюджета. Как отмечает в своем интервью генеральный секретарь Организации Б. Нургалиев, в 2008 году бюджет ШОС составил лишь 4 млн. долларов (по 2 млн. на Секретариат и РАТС) [20].

Исходя из доступных для ознакомления документов, развитие РАТС на данном этапе представлено лишь несколькими направлениями из списка 22 заявленных в Концепции 2005 года. Это, во-первых, дальнейшее формирование и совершенствование правовой базы РАТС. С момента образования ШОС было принято более 34 документов, затрагивающих сотрудничество в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. По состоянию на октябрь 2010 года, 25 документов вступили в силу. Во-вторых, содействие в проведении ежегодных анти-террористических мероприятий. По данным официального интернет-сайта РАТС, в период с осени 2005 по осень 2010 года членами ШОС было проведено 12 совместных учений. В-третьих, участие представителей Исполкома РАТС в работе международных конференций и семинаров по вопросам региональной безопасности (причем значительная часть конференций проводилась по инициативе третьих стран или других международных организаций).

Подобные тенденции развития РАТС свидетельствуют о незавершенности ее становления как эффективной структуры по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Это частично объясняется тем, что «далеко не все участники» ШОС стремились и стремятся стать «влиятельными игроками в регионе наряду со странами НАТО» [12]. Так, активность участия КНР в сфере региональной безопасности заметно уступала активности ее торгово-экономического взаимодействия с партнерами по ШОС. Тем не менее позиции КНР отличаются поступательностью, неизменным следованием внутри- и внешнеполитической линии государства, выраженной готовностью отстаивать свои интересы в ШОС и регионе. Это в очередной раз подтвердилось в ходе юбилейного саммита ШОС, состоявшегося в Астане в июне

Десятый саммит Шанхайской организации сотрудничества прошел в столице Казахстана Астане. Июнь 2011 года

2011 года. Заявленные в Декларации десятилетия дальнейшие шаги по развитию сотрудничества в ШОС продолжают соответствовать курсу, взятому КНР ранее: борьба с наркоугрозой, терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом объединенными усилиями, осуществление крупномасштабных экономических проектов, неуклонное соблюдение принципа невмешательства во внутренние дела, уважение независимости, суверенитета и территориальной целостности государств.

Таким образом, анализ участия КНР в сфере региональной безопасности в рамках ШОС позволяет сделать следующие выводы.

阿斯塔纳市 - 2011

Первый. Реагируя на изменения геополитической обстановки в регионе после событий 11 сентября 2001 года, КНР стремилась максимально поддерживать сотрудничество с РФ как основным гарантом восстановления сложившегося к 2001 году в регионе status quo. Заинтересованность Китая в ускоренной институционализации ШОС отражала стремление Пекина не допустить снижения роли созданной по его инициативе организации на фоне появления коалиционных сил в регионе, а также в условиях формирования ОДКБ.

Второй. Последовательное участие Пекина в оформлении РАТС объясняется важностью для него борьбы с сепаратизмом, терроризмом и экстремизмом как неотъемлемой составляющей поддержания стабильности в ЦА, сдерживания сепаратистских сил «Исламского движения Восточного Туркестана», обеспечения территориальной целостности и безопасного развития китайского государства, а также концентрации сил КНР на ее первоочередных задачах – решении тайваньской проблемы и реализации интересов в Юго-Восточной Азии.

Третий. Ряд противоречий между КНР и РФ по поводу видения будущих приоритетов работы ШОС (акцент России на военно-политическом взаимодействии и ставка Китая на торгово-экономическое сотрудничество) отрицательно сказался на темпах развития РАТС и ШОС в целом.

Четвертый. В КНР изначально отрицалась идея ШОС как нового антизападного блока, поскольку обеспечение региональной безопасности в Организации китайское руководство рассматривало исключительно как гарантию стабильности в Центральной Азии. Стабильность в регионе, равно как и сохранение дружественных отношений с НАТО, с США, являются для Пекина необходимыми условиями реа-

лизации планов внутригосударственного экономического роста.

Пятый. Актуальность рассматриваемой темы для Беларуси определяется как динамичным развитием белорусско-китайских отношений и необходимостью детального изучения внешнеполитической стратегии КНР, так и перспективами формирования Единого экономического пространства и соответствующей значимостью для нашей страны вопроса обеспечения безопасности в Центрально-Азиатском регионе. Кроме того, в свете заявленного на Астанинском саммите ускорения согласования условий для приема в ШОС новых членов и дальнейшего расширения сотрудничества с наблюдателями и партнерами по диалогу возникают новые условия для эффективной реализации Беларуси своего статуса в ШОС. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Боровой, В. Политика КНР в Центральной Азии (90-е гг. XX в. – начало XXI в.): дисс. канд. ист. наук: 11.03.05 / В. Р. Боровой – Минск, 2005. – 116 с.
2. Сыроежкин, К. Центральная Азия: выбор приоритетов / К. Сыроежкин // Диалог: интернет-издание [Электронный ресурс]. – 07.12.2007. – Режим доступа: <http://www.dialog.kz/?lan=ru&id=81&pub=652>. – Дата доступа: 25.01.2010.
3. Тренин, Д. Россия между Китаем и Америкой: трехчленная конструкция Пекин–Москва–Вашингтон вновь приобретает реальные черты / Д. Тренин // Pro et Contra. – 2005. – № 11–12. – С. 54–57.
4. Чжао Хуашэн. Китай, Центральная Азия и Шанхайская Организация Сотрудничества [пер. с кит.] / Чжао Хуашэн. – М: Москов. Центр Карнеги, 2005. – 63 с.
5. Цзян И. Китайская многосторонняя дипломатия и ШОС (на кит. яз.) / Цзян И // Исследования России, Средней Азии и Восточной Европы. – 2003. – № 5. – С. 46–51.
6. Лукин, А., Мочульский, А. Шанхайская Организация Сотрудничества: структурное оформление и перспективы развития / А. Лукин, А. Мочульский // Аналитические записки научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. – 2005. – Выпуск 2 (4). – 31 с.
7. Swannstrom, N. China and Central Asia: a new great game or traditional vassal relations? / N. Swannstrom // Journal of contemporary China. – 2005. – №14 (45). – P. 569–584.
8. Terrorist Exclusion List (29.12.2004) // Office of the Coordinator for Counterterrorism: Press Release, U.S. Department of State [Electronic resource]. – 2004. – Mode of access: <http://www.state.gov/s/ct/rls/other/des/123086.htm>. – Date of access: 29.09.2010.
9. Лаумулин, М. ШОС – грандиозный политический блеф? / М. Лаумулин // Французский институт международных отношений (IFRI) [Электронный ресурс] – 2006. – Режим доступа: www.ifri.org/downloads/laumullinrusse.pdf. – Дата доступа: 25.01.2010.
10. Доклад Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде КПК (08.10.2002) // Информационный центр КПК [Электронный ресурс]. – 2002. – Режим доступа: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64569/65444/4429125.html>. – Дата доступа: 14.11.2010.
11. Концепция сотрудничества государств – членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (5.07.2005) // Шанхайская Организация Сотрудничества [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: http://www.ecrats.com/ru/normative_documents/1558. – Дата доступа: 12.10.2010.
12. Турарбекова, Р. ШОС и проблемы безопасности в Центральной Азии на рубеже столетий / Р. Турарбекова // Китай в современном мире: сб. науч. тр. / Минск: Изд. центр БГУ, 2010. – Вып. 8. – С. 95–100.
13. Доклад Ху Цзиньтао на XVII Всекитайском съезде КПК (15.10.2007) // Информационный центр КПК [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: <http://cpc.people.com.cn/GB/104019/104099/6429414.html>. – Дата доступа: 18.04.2010.
14. Ван Цзисы. Мнения о построении китайской внешнеполитической стратегии (на кит. яз.) / Ван Цзисы // Исследования международной политики. – 2007. – № 4. – С.17–23.
15. Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ШОС и Секретариатом ОДКБ (05.20.2007) // Шанхайская Организация Сотрудничества [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://www.sectsc.org/RU/show.asp?id=112>. – Дата доступа: 14.05.2010.
16. Заявление Генерального секретаря ШОС Б. Нурғалиева в связи с событиями в г. Урумчи СУАР КНР (10.07.2009) // Шанхайская Организация Сотрудничества [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.sectsc.org/RU/show.asp?id=346>. – Дата доступа: 14.02.2010.
17. Medeiros, E. China's International Behavior / E.Medeiros // Rand Corporation [Electronic resource]. – 2009. – Mode of access: http://www.rand.org/pubs/monographs/2009/RAND_MG850.pdf. – Date of access: 14.03.2010.
18. Hansen, F. The Shanghai Cooperation Organization: probing the myth / F. Hansen // Royal Danish Defence College [Electronic resource]. – December, 2008. – Mode of access: <http://forsvaret.dk/FAK/Publikationer/B%3%B8ger%20og%20andre%20publikationer/Documents/Conflict%20management%20net.pdf>. – Date of access: 28.01.2010.
19. The Shanghai Cooperation Organization / Ed. J.K. Bales. // SIPRI Policy Paper – №17. – 2007 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.kms2.isn.ethz.ch.Files31817/ipublication-document17.pdf>. – Date of access: 15.03.2010.
20. Организационное становление ШОС произошло (интервью Ген. секретаря ШОС Б. Нурғалиева корр. ИТАР-ТАСС от 04.04.2007) // Шанхайская Организация Сотрудничества [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://www.ca-oasis.info/news/?c=6&id=12338>. – Дата доступа: 14.02.2010.